

Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji

**Materialy z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa
przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów.
Katowice 27–29 września 2000 r.**

**Redaktorzy tomu
Krystyna Kleszczowa, Ludwig Selimski**

Сложные глаголы

Бранко Тошович

**Wydawnictwo Gnome
Katowice 2000**

определяется тем, что словообразование обслуживает прежде всего потребности лексической номинации, а мотивированность, играя определенную роль в системной организации лексики, в то же время не является непременной предпосылкой функционирования слова в речи.

В иной плоскости лежит рассмотрение соотношения мотивации и номинации с точки зрения психолингвистической, а также сопоставительно-типологической (см., в частности, Манучарян, 1972).

Библиография

- Бахтурина Р. В., 1966: *Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом -О/-и-ть. В: Развитие словообразования современного русского языка.* Ред. Е.А. Земская, Д.П. Шмелев. Москва.
- Головин Б. Н., 1966: *Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке.* АДД. Москва.
- Манучарян Р. С., 1972: *Вопросы интерпретации и измерения глубины слова.* „Вопросы языкознания”. № 1. Москва.
- Манучарян Р. С., 1974: *К типологии словообразовательных значений.* „Известия Академии наук СССР”. № 6. Москва.
- Манучарян Р. С. 1981: *Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках.* Ереван.
- Панов В. М., ред., 1968: *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.* Москва.
- Шведова Н.Ю., ред., 1982: *Русская грамматика.* Т. 1. Москва. Список сокращений:
- РГ-80: Шведова Н.Ю., ред., 1982: *Русская грамматика.* Т. 1. Москва.
- РЯСО 1968: Панов В. М., ред., 1968: *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.* Москва.

Rubien S. Manuczarian

Relacje między motywacją i nominacją w słowotwórstwie

Słowotwórstwo rozpatrywane jest przez autora jako formalno-semantyczny mechanizm wykorzystania środków i sposobów motywacji określających leksykalną nominację. W semantyce pochodnych słów wydziela się aspekt motywacyjny i nominacyjny, a sukcesywny udział ich wzajemnych zależności przejawia się w dyferencjacji znaczeń słowotwórczych różnych typów – wewnątrztypowych, typowych, międzytypowych, w rozróżnieniu podtypów, typów i makrotypów słowotwórczych, jak również motywacyjno-słowotwórczych i nominacyjno-słowotwórczych kategorii. Pierwsze z nich obejmują typy, drugie – makrotypy. W referacie zostanie również rozpatrzona wzajemna zależność motywacji i nominacji z punktu widzenia psycholingwistycznego i strukturalno-typologicznego.

Сложные глаголы

Бранко Тошович

0.0. Существуют четыре теоретические возможности образования глаголов, состоящих из двух или более основ или корней. Три из них исходят из того, что сочетаются два типа конституентов – гомогенные (если элементы относятся к одной части речи, например, объединение двух глаголов в одном слове) и гетерогенные (если элементы относятся к различным частям речи, например, к прилагательному и глаголу): 1. $V + X = X$, 2. $X + V = V$, 3. $V + V = V$, где V – глагол (глагольный корень, основа), X – 'неглагол' (неглагольный корень, основа). Такие образования мы называем бивербальными композитами. Четвертая корреляция относится к случаям, когда одно слово может иметь более, чем два частеречных сегмента: $X + X + \dots X = X$.

0.1. Большинство сложных слов являются бикомпозитами, намного реже встречаются трикомпозиты. Образование глагола из четырех и более глаголов (глагольных корней, основ) является в индоевропейских языках лишь теоретической возможностью. Вообще можно создать очень ограниченную цепь слов, состоящих только из глаголов. Экстремальной разновидностью деривационной цепи представляют слова в форме целого предложения, одним из элементов которых является глагол, например украинская фамилия *Панибубдыласка*, немецкий фитоним *Vergißeinnicht*, сербохорватские фитонимы *pustibabakonjukrv*, *krstikumedete* и междометное выражение *budibogsnama* и др. В чукотском языке существует комплекс *тымынгыиторкын*, буквально обозначающий 'я-руки-выходить-действию', т.е. 'я вынимаю руки (из карманов, рукавов и являющийся в то же время и словом, и предложением: „Это слово, ибо для говорящего оно не разложимо, и оно же предложение, т.к. выражает идею целого предложения' (Алатырев, 1946, 60). Подобный пример встречается и в колымском диалекте одульского языка: *asayoul soromoh*: *asa* (олень), *youl* (увидеть), *soromoh* (человек), буквально 'олень-видение-человек', что соответствует в русском целой фразе 'человек увидел оленя' также в урумудском языке *луд-зазег-кошкон-сюрес*, буквально 'поле-гус-уход-дорога' и 'дикий-гус-уход-путь', т.е. 'млечный путь' (Алатырев, 1946, 62). Сложные слова, по правилу, являются свернутыми синтаксическими конструкциями. В славянских языках можно найти очень ограниченное число таких примеров, но зато в немецком языке довольно много. В этом языке сложные слова используются шире, чем в славянских языках, о чем свидетельствуют и конкретные исследования¹.

¹ Например, в немецком переводе „Анны Карениной” Л.Н. Толстого на 10 страницах (27.000 печатных знаков) приходится 77 сложных слов, в то время как в русском подлиннике их всего 5, а в переводе „Хлеба” Л. Толстого (11 страниц, 23000 знаков) этот дисбаланс еще более выражен: в немецком тексте 148 сложных слов.

1.0. Бивербальные композиты (составные, сложные глаголы) отсутствуют в одних языках (насколько нам известно, во всех славянских языках), в других (например, в тюркских, японском и языке хинди) они широко распространены. В некоторых из языков удвоение глаголов является важным деривационным приемом.

1.1. Самую многочисленную группу языков с бивербативами (глаголами, состоящими из двух глаголов, т.е. глагольных основ) составляют тюркские языки. В этих языках широко распространен глагольный аналитизм². Тюркский сложный глагол, как правило, представляет сочетание деепричастий или причастий со вспомогательными глаголами. Среди тюркологов существуют различные мнения относительно характера таких глагольных сочетаний. Одни называют их аналитическими глаголами, другие отыменными сложными глаголами, третьи собственно сложными глаголами, четвертые составными глаголами, пятые глаголами внутреннего объекта, шестые именными сложными глаголами и т.д. Аналитические глаголы зачастую даже превалируют над простыми глагольными структурами, поэтому такие образования занимают промежуточную позицию между глагольными словосочетаниями и словами, т.е. они представляют собой переходную ступень от словосочетаний к словам (Исенгалиева, 1966, 38). Данный промежуточный разряд глагольных сочетаний В.А. Исенгалиева склонна называть полусвободными глагольными словосочетаниями, так как их нельзя считать в полном смысле свободными, но нельзя также полностью причислить их к устойчивым глагольным словосочетаниям. „Между тем при обозначении новых глагольных понятий наряду с составными глаголами типа „заимствованный именной компонент + тюркский вспомогательный глагол” и устойчивыми глагольными сочетаниями широко употребляются именно полусвободные глагольные сочетания, спаянность компонентов у которых не достигла такой степени, как у последних. У одних новообразований спаянность более тесная, у других находится в зачаточном состоянии. Степень спаянности зависит как от именного, так и от глагольного компонента” (там же, 42). В.А. Исенгалиева отмечает интересный факт: полусвободные глагольные словосочетания передают то или иное новое глагольное понятие более точно, чем устойчивые глагольные сочетания, так как именным компонентом первых являются заимствованные существительные, лексически и семантически тесно связанные, соотносительные с новым глагольным понятием. Составные глаголы в тюркских языках, продолжает В.А. Исенгалиева, образуются путем сочетания имени и вспомогательного глагола и имеют наиболее широкое распространение по сравнению с другими аналитическими глагольными образованиями, в частности, такими, как устойчивые глагольные словосочетания. „В современных тюркских языках они представляют собой прочно сложившуюся модель, по образцу которой стали строиться и многие другие глаголы. Именной компонент составных глаголов может быть выражен любой именной частью речи (чаще всего существительным и прилагательным), инфинитивом иноязычного глагола, а также, в редких случаях, целым словосочетанием.” В качестве глагольного компонента выступают вспомогательные глаголы со значением ‘делать’ (*етмек*, *ясамак*, *кылмак*, *истеу*, *уармак*, *айламак*) и ‘быть’ (*болмак*, *олмак*). Эволюцию составных глаголов

русском всего 6 (Федоров и др. 1961: 50). О большом распространении сложных слов в немецком языке пишут многие исследователи (напр. Зиндер/Сокольская 1938, Шишкова 1957). Немецкий язык отличается еще и тем, что длина сложного слова является практически неограниченной. Вот как выглядит один экстремально длинный композит („слово-колбаса”): *Donaudampfschiffahrtsgesellschaftskapitänwitwenrentenabholstellenvorsteher*. Он состоит из 11 корней, в том числе из 4 глагольных (*-fahr*-, *-abhol*-, *-stell*-, *-steh*-), и 74 букв. Но такие деривационные цепи встречаются только в категории сложных существительных.

² О чем свидетельствуют многочисленные исследования, например, Юлдашев, 1965.

В.А. Исенгалиева объясняет следующим образом: „[...] составные глаголы, сложившиеся вначале как устойчивые глагольные словосочетания, в своем развитии пошли дальше, перестали восприниматься как простые лексические сочетания, хотя внешне и сохранили их черты, и превратились в слова, которые имеют особую грамматическую форму глагола. Грамматическим изменениям в составных глаголах подвергаются лишь вспомогательные глаголы. Таким образом, принципы, лежащие в основе образования составных глаголов и аффиксального глаголообразования, одни и те же. Разница лишь в том, что в одном случае они реализуются аналитическим, в другом – синтетическим способом.” (Там же, 43).

О том, как развились глагольные бикомпозиты в тюркских языках, говорится и в „Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков”: „В древнетюркских письменных памятниках довольно часто встречаются копулятивные сложные глаголы, представляющие собой паратактическое сочетание двух синонимичных или семантически близких спрягаемых глаголов типа *aşa-je* 'кушать', *aş-üklit/aş-üiste* 'увеличивать, приумножать', *bul-tap* 'приобрести, обрета́ть', *buş-tary* 'сердиться', *biç-kes* 'резать', *bül-etik* 'исполняться, осуществля́ться', *jalvar-ötün* 'просить, моли́ть', *jap-ört* 'покрывать', *jaz-bit* 'писат́ь'. Реже наблюдаются копулятивные композиты, составленные из двух антонимичных спрягаемых глаголов типа *kel-bar* 'обща́ться'. В современных тюркских языках этот структурный тип глаголов вышел из употребления. В них, в частности в башкирском, татарском, киргизском, казахском и некоторых других тюркских языках, в сферу копулятивного внутриглагольного словосложения глагола вовлекаются ныне в какой-то мере лишь синонимичные или близкие по значению деепричастия, функционирующие только как обстоятельство образа действия типа башк. *ava-tünd* 'шата́ясь, пошата́ваясь', *bata-suma* 'погружа́ясь, в грязь', *jügerd-altaj* 'почти бегом', *kejenep-jahanyp* 'наряжа́ясь, наряди́вшись', *eid-tört* 'толкая́', *qasa-bosa* 'пряча́сь', *öndösmaj-tonmaj* 'молча́'. *höjldösmej-nitmdj* 'даже не погово́рив'. Примеры: башк. *Tid-tid gend tükmdj-sömdj höjlä* 'рассказыва́й быстра́енько, ничего не утаивая'; *Narat şabta tirläp beşep mäsäldä sisep ultıra ine* „Нарат, обливая́сь потом, сидел в штабе и решал задачу [...]” (Сравн.-ист. грамм. тюрк. яз., 1988, 440–441). Авторы грамматики приходят к выводу, что в тюркских языках обнаруживаются большие различия в составе и отчасти в значениях, а также в сфере употребительности аналитических форм и в степени их грамматикализованности, и что в целом наибольшее развитие получили они в кыпчакских языках, особенно в казахском, башкирском, татарском языках, наименьшее – в огузских, особенно в турецком и гагаузском языках. Все это, по их мнению, свидетельствует о становлении и развитии большинства аналитических форм, именуемых обычно формами вида, на почве отдельных тюркских языков или их групп уже в историческую эпоху. Авторы предполагают, что часть таких форм была еще в пратюркском языке, как это позволяет предположить их наличие и типологическая общность в монгольских языках (Сравн.-ист. грамм. тюрк. яз., 1988, 443–444).

В отдельных тюркских языках наблюдаются определенные закономерности в образовании и употреблении сложных (составных) глаголов. Так в турецком языке ряд глаголов, имеющих самостоятельное лексическое значение, теряет свою знаменательность и выполняет служебную функцию, заключавшуюся в выражении определенных грамматических категорий (Аганин, 1959, 120). К таким словам относятся глаголы *durmak* 'стоять', *yazmak* 'ошиба́ться', 'грешить', *kalmak* 'оставаться', *bilmek* 'знать', *vezmek* 'давать' и др. „В конструкциях, образованных этими глаголами, основная семантическая нагрузка приходится на первый компонент, а второй выполняет роль видового модификатора. Так, сочетание глагола *durmak* 'стоять' с деепричастием в форме

на *-ip* или *-a(-e)* служит для выражения длительности действия: *yazıp durmak* 'пописывать', 'постоянно писать', (Аганин, 1959, 120). В статье о турецких составных глаголах Р.А. Аганин делает следующие выводы: 1. такие глаголы выполняют функции эквивалента слова, 2. в составных глаголах степень спаянности компонентов неодинакова (в них можно отметить большую и меньшую степень лексикализации), 3. по своей лексико-грамматической природе турецкие составные глаголы не являются сложными словами, поскольку каждый компонент сохраняет свои грамматические особенности (Аганин, 1962, 76).

Туркменский сложный глагол состоит обычно из двух слов, причем основное (материальное) значение его выражается первым словом, а второе носит вспомогательный характер, поэтому первый элемент сложного глагола условно называется основным словом, а второй вспомогательным глаголом (Баилиев, 1944, 5). Основное слово никогда не подвергается изменению. В качестве основного слова выступают имена в неопределенном падеже и глаголы в деепричастной или причастной форме. Х. Баилиев различает два вида сложных глаголов: с именными основами и с глагольными основами (Баилиев, 1944, 4). Основная особенность глаголов с глагольными основами заключается, по мнению Х. Баилиева, в том, что основное слово само является глаголом, вспомогательный же глагол уточняет ход и условие действия, выраженного основным глаголом, сближаясь в этих случаях по своему значению с формальными показателями глагольных видов в славянских языках и, в частности, с префиксами русского языка. „Вспомогательный глагол может определять начало действия, его длительность, постоянство, многократность, мгновенность, внезапность, возможность, потенциальность действия, направление, процесс и результат действия, намерение делать что-либо и т. д. [...] Эта группа сложных глаголов является более трудной для анализа не только по значению, но и по построению. Дело в том, что основное слово большей частью выступает в форме деепричастия на *ып-ып*, *уп-уп*, *п*, тогда как вообще глагол в этой форме может быть самостоятельным членом предложения (обстоятельством дополнением). Часто бывает даже трудно установить, имеем ли мы дело со сложным глаголом или с простым словосочетанием синтаксического порядка.” (Баилиев, 1944, 7).

В татарском языке, если два глагола путем сложения образуют сложную лексическую единицу, то один из глаголов принимает форму деепричастия, а другой – личную форму, причем основной глагол (первый компонент, т. е. деепричастная форма) выражает, как правило, главное значение, а модифицирующий глагол – дополнительное, уточняющее, конкретизирующее значение³.

1.2. Сложными словами чрезвычайно изобилуют пермские языки (Алатырев, 1946, 68). Так в урмудском языке словосложение является не только словообразовательным явлением, но и средством, при помощи которого выражаются самые разнообразные грамматические категории: „Обобщение, суммирование, интенсивность, экспрессивность, длительность, многократность наблюдается в сложных словах, состоящих из глаголов или отглагольных образований, составные части которых выступают как неравноправные части. Скажем, одна из составных частей усиливает значение другой части. Например в языке коми: *кырзаны-серек'яны*, буквально 'петь-смеяться', т. е. усиленно и многократно 'петь-смеяться', *сион-юн дыр'яд эн вераськы* 'когда кушаешь-пьешь, не разговаривай', т. е. 'когда кушаешь-пьешь, тогда не разговаривай'. Глаголы *сион* и *юн* в отдельности не выражают интенсивности, длительности, многократности. Момент многократности в них, взятых отдельно, может быть только в том случае, если будет

³ Более подробно см. Галиев, 1982.

наращен суффиксе многократности *-л-*; например, *юьлон* многократно 'пить' и т. с. *сиыны-юьны* буквально 'есть-пить', т. е. многократно с усилением 'есть-пить'. Сло *сиыны*, *юьны* в отдельности не передают момент многократности действий; категория многократности в отдельности может быть выражена в них только при помощи суффикса многократности *-л-*, например: *сиылыны* 'многократно есть', *юьлыны* 'многократно пить (попивать)'. При употреблении в сложном комплексе *сиыны-юьны* суффикс многократности *-л-* момент многократности действия наличествует в обеих составных частях, например: *сиылыны-юьлыны* 'многократно есть-многократно пить', (Алатырев, 1946, 76). Автор статьи приходит к следующим выводам: „Итак, два слова, выражающие два отдельных понятия и связанные между собою на началах синтаксической однородности, могут объединяться в одно сложное слово, выражающее такое понятие, которое является: 1) суммирующим или обобщающим значения составных частей обеих категорий интенсивности и длительности или многократности: *атай-анай* 'отец-мать', т. е. 'родители', *суй-пыд* 'рука-нога', т. е. 'конечности'; 2) суммирующим или обобщающим значения составных частей с категориями экспрессивности, интенсивности, длительности или многократности в значении обоих компонентов вместе: *вырзан-серек'ны* буквально 'петь-смеяться', т. е. многократно с усилением 'петь-смеяться', *сиыны-юьны* 'кушать-пить', т. е. многократно с усилением 'кушать-пить'; 3) суммирующим или обобщающим значения составных частей с категориями экспрессивности, интенсивности в значении одной из них без четкого ошутимой категории длительности или многократности: *тодон-адзон* 'знание-видение', т. е. подробное 'познание'; 4) суммирующим или обобщающим значения составных частей с категориями множественности, собирательности в значении обеих составных частей вместе: *сион-юн* 'кушание-пить' т. е. 'продукты', *шудон-серек'ян* – 'игра-смех', т. е. 'веселие'; 5) суммирующим или обобщающим значения составных частей с категориями экспрессивности, интенсивности и множественности в значении обоих компонентов вместе: *чуж-вож* 'желтый-зеленый' т. е. 'желтые-зеленые' (Алатырев, 1946, 80).

1.3. Сложные глаголы развились и в алтайском языке. Такого рода сочетания являются самым продуктивным способом словообразования и обозначают различные виды протекания действия. О них пишет А. Т. Тыбыкова: „В сложных глаголах немаловажную роль принадлежит вспомогательным глаголам, которые широко распространены и разговорной речи, и в литературном языке. Такая широта употребления их объясняется тем, что различные модально-видовые оттенки процесса действия передаются помощью вспомогательных глаголов. Составные глаголы в алтайском языке не получили такого широкого распространения, как сложные, которые встречаются чуть ли не в каждом предложении. Деепричастие, являясь основным компонентом сложного глагола, остается без изменения, не принимает после себя никаких аффиксов, однако семантическое значение воплощается именно в деепричастной форме, а вспомогательные глаголы придают всему сочетанию различные видовые оттенки, превращаясь в грамматализованный элемент. Но все же лексическое изменение всего сочетания иногда зависит от вспомогательного глагола, который, придав другое значение основному компоненту, образует новый глагол с новой семантикой, например, *сам* 'продать (кому-то): *садын ал* – купить (для себя). При наличии сложных глагольных основ, состоящих из двух-трех деепричастных форм, вспомогательный глагол присоединяется к последней из них. Эта особенность была отмечена исследователями других тюркских языков.” (Тыбыкова, 1966, 6). Далее констатируется, что глаголы, выступающие в функции вспомогательных при образовании сложных глаголов и в самостоятельном употреблении, не лишены своего лексического значения и сами могут быть соединены с другими вспомогательными глаголами: *салып ий* 'опустить', *берип*

‘отдать’, *jüre ber* ‘уйти’ и т. д. Отдельные из них окончательно потеряли свое самостоятельное употребление и перешли в разряд служебных глаголов (*кой-жаста*). А. Т. Тыбыкова указывает и на то, что число вспомогательных глаголов в разных тюркских языках не одинаково: если в чувашском языке исследователи насчитывают около 60 вспомогательных глаголов, в казахском – 22, в татарском – 29, то в алтайском их 24. Она приходит к выводу, что изучение употребления сложных глагольных конструкций в историческом аспекте показывает, что сложные глаголы в современном алтайском языке встречаются гораздо чаще, чем было раньше. Это она объясняет как системой развития самого языка, так и усилением влияния переводной литературы с русского на алтайский язык (русские глаголы совершенного вида почти все переводятся на алтайский язык сложными глаголами; стремясь точнее передать глаголы с суффиксами и префиксами, переводчики прибегают к вспомогательным глаголам) – Тыбыкова, 1966, 16. В заключении говорится о различиях в значении и подчеркивается, что семантическую нагрузку несет основной глагол в деепричастной форме, вспомогательные же глаголы, выступая грамматикализованным элементом, выражают видовые и некоторые другие оттенки протекания действия. И еще один важный вывод: хотя вид глагола в алтайском языке не установлен как грамматическая категория, нельзя отрицать того факта, что в качестве носителя видового значения выступают вспомогательные глаголы (Тыбыкова, 1966, 56).

1.4. В монгольских языках встречаются парные глаголы, которые подразделяются на две группы: а) смежные по значению: *tegegekü-nejteregülkü* (буквально ‘класть и внедрять’); *güixе-xapaixa* – ‘бегать’ (буквально ‘бегать и прыгать’); б) контрастные по значению: *uylxa-duylxa* ‘плакать’ (буквально ‘плакать и петь’); *oroо-gарха* ‘бегать взад и вперед’ (‘входить и выходить’) – Санжеев, 1940, 201. Что касается парных глаголов, то они чаще всего употребляются в изъявительных и причастных формах, в форме соединительного, слитного и раздельного деепричастий и почти не используются в повелительных формах (Санжеев 1940, 201–202).

В анализе сложных глаголов тюркских и монгольских языков Ф. А. Ганиев приходит к выводу, что монгольские и тюркские сложные глаголы отличаются от простых (непроизводных и аффиксальных) прежде всего своим добавочным лексическим значением, поэтому все сложные глаголы представляют собой новое слово по сравнению с простыми глаголами, от которых они образованы, и относятся к системе словообразования, а не словоизменения (Ганиев, 1971, 381). В монгольских и тюркских языках, продолжает он, модифицирующие глаголы являются одним из средств выражения способов действия (Aktionsarta) наряду с аффиксами и редупликацией некоторых глагольных форм. Один и тот же модифицирующий глагол в зависимости от контекстов и от того, с каким деепричастием он соединяется, может иметь несколько значений, связанных с характером протекания действия. Далее констатируется: „Тюркские и монгольские сложные глаголы отвечают принципу цельнооформленности слова и отличаются от похожих на них по внешнему облику свободных глагольных сочетаний не одним каким-то формальным признаком, а целым рядом признаков, совокупность которых и создает сложное слово.”. На вопрос, какие же эти признаки, он отвечает: „Во-первых, сложные глаголы в этих языках выражают единое значение и в связи с этим синтаксически выступают в качестве одного члена предложения. Во-вторых, компоненты сложных глаголов не могут выступать раздельно как в свободных глагольных сочетаниях. Между частями сложных глаголов нельзя вставить третье знаменательное слово без ущерба для значения. Как известно, даже потенциальная способность глагольного сочетания разделяться третьим словом говорит о самостоятельности его компонентов. В-третьих, в сложных глаголах невозможно обнаружить синтаксические взаимоотношения между

компонентами. В-четвертых, для компонентов сложных глаголов характерна взаимообусловленность: нельзя выделить ни одного компонента, не разрушив данного сложного глагола” (Ганиев, 1971, 381–382). Данные выводы позволяют автору сделать вывод о том, что в образовании сложных глаголов между тюркскими и монгольскими языками существует полное структурное и системное соответствие, которое едва ли можно считать только типологическим. „Этого нельзя сказать о тюркских и монгольских языках, с одной стороны, и японском и языке хинди, с другой. В последних двух языках первый компонент сложного глагола имеет форму основы глагола, а в тюркских и монгольских выступает в форме деепричастия, что дает возможность говорить только о некотором типологическом соответствии”.

1.5. И в хиндустанши широко распространены сложные глаголы. Они составляют не менее половины всех глаголов, а их сущность состоит в следующем: а) основа любого глагола соединяется с формами одного из немногих глаголов, употребляющихся в качестве „вторых элементов” сложных глаголов; б) значение сложного глагола равно значению первого глагола определенным образом модифицированному и уточненному значением второго, „образующего” глагола (Баранников, 1927).

1.6. В японском языке сложение основ также широко используется при образовании глаголов, например, от простого глагола типа *каку* ‘писать’: *какидасу* ‘начать писать’, *какиру* ‘выписывать’, *какисоэру* ‘приписать’, *какиучусу* ‘переписать, снять копию’, *какитоосу* ‘переписать, написать снова’, *какинуку* ‘выписать’, *какитосу* ‘пропустить при письме’, *какитигаэру* ‘неправильно написать’ и др. (Пашковский, 1959, 60). Двухкомпонентные глаголы, считает А. А. Пашковский, не только являются наиболее распространенным видом сложных глаголов, но и по существу исчерпывают возможные отношения между компонентами. „Сложения трех глагольных основ сводятся к последовательному соединению двух компонентов. Глагол *карэдзуримавару* ‘рыскать’ ‘бегать туда и сюда’ из предложения *итинити хо:бо: какэдзуримаватта* ‘весь день рыскал повсюду’ можно представить как соединение *какэру* ‘бегать’ и *суру* ‘тереть’ (глагол первого разряда), к которому, как к целому, присоединен *мавару* ‘вращаться’ (глагол второго разряда). Точно так же сложный глагол *торианүмэканэнта* ‘не мог собрать’ является соединением глагола третьего разряда *торианүмэру* еще с одним глаголом, что дает образование второго разряда” (Пашковский, 1959, 67). При определении характера сложений, подчеркивает А. А. Пашковский, нужно исходить из фактических отношений компонентов: первый компонент сложного глагола из предложения *вага имоти сонэ моно-о цукусиоэру* ‘иметь возможность целиком отдать свою жизнь’ (т. е. *цукусу* сохраняет в данном случае всю полноту собственного значения, хотя обычно это весьма распространенный второй компонент глаголов второго разряда).

Как видно из анализа, с одной стороны, факту возникновения, расширения и распространения сложных глаголов указанных языков способствовало то, что в них не развилась категория вида. С другой стороны, именно несовершенный и совершенный вид в славянских языках принимают на себя большую часть значений, которые выражают сложные глаголы в упомянутых языках. Поэтому наличие вида может быть одной из причин отсутствия сложных глаголов в славянских языках.

1.7. Из индоевропейских языков особого внимания заслуживает немецкий язык. В нем существуют так называемые *zusammengesetzten Verben* (двухкомпонентные глаголы). Мы провели небольшой анализ таких глаголов и выделили 33 бивербальных композитов. Первым компонентом таких глагольно-глагольных сочетаний является глагол полного лексического значения. В качестве второго компонента выступают различные глаголы *lassen* (11 раз), *bleiben* (8 раз), *gehen* (4 раза), *lernen* (3 раза), *halten*, *fahren*, *legen*, *nehmen*

reiben, sitzen (1 раз). Они расщепляются в презенсе, претерите и императиве. Новые правила орфографии рекомендуют раздельное написание таких глаголов. Сюда относятся бивербальные композиты типа: 1. *bestehen bleiben* 'сохраняться, оставаться', 2. *bleiben lassen* 'оставлять, бросать, не делать (чего-л.)', 3. *fahren lassen* 'отказываться (от чего-л.), оставлять (что-л.)'; 'упускать (что-л.)', 4. *fallen lassen* 'отказаться', 5. *fluten gehen* 'пропасть, пойти прахом'; 'сломаться, разбиться', 6. *gefangen halten* (первая глагольная форма – причастие) 'задержать', 7. *gefangen nehmen* (первая глагольная форма – причастие) 'брать [захватывать] в плен'; 'арестовать, задержать'; перен. 'пленивать схватить, задержать', 8. *gehen lassen* 'оставлять в покое (кого-л.)', 9. *sich gehen lassen* 'распускаться, давать себе волю, не сдерживать себя'; 'не следить за собой [за своей внешностью]', 10. *haften bleiben* 'приставать, прилипать'; 'оставаться в памяти, запоминаться', 11. *hängen bleiben* 'повиснуть (на чем-л.), зацепиться (за что-л.)'; 'застрять'; 'остаться на второй год', 12. *hängen lassen* 'оставить (висеть)', 13. *kennen lernen* '(по)знакомиться (с кем-л., с чем-л.)'; 'узнавать (что-л.)', 14. *kleben bleiben* 'прилипать (к чему-л.)'; 'застрять где-л.', 15. *liegen bleiben* '(продолжать) лежать'; 'оставаться'; 'оставаться неоконченным', 16. *lieben lernen* 'полюбить (кого-л., что-л.)', 17. *liegen lassen* 'оставлять, забывать (что-л. взять с собой)'; 'оставлять что-л. Незаконченным', 18. *ruhen lassen* 'временно прекращать, приостанавливать (какое-л. дело, какую-л. деятельность)', 19. *schätzen lernen* 'оценить (кого-л., что-л.), проникнуться уважением (к кому-л., к чему-л.)', 20. *sitzen bleiben* 'оставаться на второй год (в классе)'; 'не выйти замуж, остаться старой девицей', 21. *sitzen lassen* 'бросить, покинуть (кого-л.)'; 'заставлять ждать, подвести, пообещать и не прийти'; 'оставить на второй год (в классе)', 22. *spazieren fahren* 'кататься, ехать (на прогулку), проехать, прокатиться', 23. *spazieren gehen* 'гулять, прогуливаться', 24. *stecken bleiben* 'застрять (где-л.)', 25. *stecken lassen* 'оставить (торчать) (ключ в замке и т. п.)', 26. *stehen bleiben* 'останавливаться', 27. *stehen lassen* 'оставить (на месте)', 28. *stehen lassen* 'забыть [оставить]', 29. *stiften gehen* 'учредить (музей, премию и т. п.), основать', 30. *trocken legen* 'осушить (болото), перепеленать (ребенка)', 31. *trocken reiben* 'насухо вытереть', 32. *trocken sitzen* 'сидеть без вина', 33. *verloren gehen* (первая глагольная форма – причастие) 'пропадать'⁴.

2.0. Но вернемся к славянским языкам, точнее к русскому. Так как в нем отсутствуют сложные глаголы, типичные для тюркских, монгольских и других языков, остается рассмотреть лишь устойчивые комбинации глаголов, которые определенным образом сближаются с настоящими сложными глаголами.

3.0. Первая комбинация $V + X = X$ ведет к образованию неглагола, например, когда первым конститuentом является императив, а вторым существительное (*держиморда, перекапитоле, сорвиголова* и т.п.). Так возникают сложные существительные.

4.0. Вторая комбинация $X + V = V$ порождает в русском языке сложные глаголы в трех случаях: а) при помощи компонента *полу-* в значении 'не полностью, не до конца, наполовину совершать (совершить) действие, названное мотивирующим (опорным) глаголом': *полузакрывать* 'закрывать не совсем, не до конца или наполовину', *полудежать*, *полудеть*, *полусидеть* и т.д., б) при помощи местоименного прилагательного *сам* в качестве первого компонента в значении 'самопроизвольно или самостоятельно совершать (совершить) действие, названное мотивирующим (опорным) глаголом', напр.: *самовоспроизводится, самоопределяется, самоочищается* и т.п.⁵, в) использованием

⁴ Толкования даются по Электронному словарю MultiLex 2.0.

⁵ В *Русском орфографическом словаре* 1999 г. мы насчитали 33 таких глагола. Их опорными компонентами являются глаголы, содержащие постфикс *-ся*.

основы существительного или прилагательного: *видоизменить, злоупотребить, плодоносить, трудоустроить, чайнить* (ГАН 1980, I, 391). В другом славянском языке – сербскохорватском также мало таких глаголов: лишь 15–20. Среди них большинство имеет в качестве первого компонента существительное: *bogoraditi* (от *boga radi*: 'prositi, ponizno moliti govoreći boga radi') *blagosloviti* (от *blago sloviti*), *dangubiti, kostopomiti, rukovoditi, zlopiti se, zlorabiti, zlostaviti, zloupotrijebiti, ozlotribiti* ('dobiti bolove u stomaku'). Остальные связаны с наречием: *brzjaviti, hodočastiti* (от *hodom častiti*), *krivotvoriti, praznosloviti*, прилагательным: *svjetlomrcati* ('činiti da se pojavi kao svjetlo, koje se zatim gasi i opet javlja'), предлогом: *mimoći*, словосочетанием (фразеологизмом): *starosvatiti* ('uzeti, uzimati za starog svata').

Надо подчеркнуть, что нет автоматизма в реализации формулы $X + V = V$. Об этом свидетельствует и разговорное и шутливое существительное *Айболит* ('человек, который лечит животных', по имени героя сказки К. И. Чуковского), состоящее из междометия *ай* и формы настоящего времени *болит*.

5.0. Третья комбинация $V + V = V$ представляет бивербальную номинацию. Но данная корреляция, как мы уже сказали, не является типичной для славянских языков: нам неизвестны случаи, когда один глагол состоит из двух глаголов (двух глагольных корней), т. е. когда глагол *A* сочетается с глаголом *B* и образует глагол *C*. Факт, что ни в одном славянском языке не зарегистрированы бивербальные композиты, нас заставил искать случаи, которые были бы близкими к бивербальным композитам. Примеры, которые мы нашли, можно разделить на три типа.

А. Аналитические грамматические формы. В русском языке это сложное будущее время (*буду читать*), повелительное наклонение (*пусть читает*), сослагательное наклонение (*читал бы*). В других славянских языках, напр., в сербскохорватском их больше – а) современные формы перфекта (*čitao sam*), будущего второго (*budem čitao*) плюсквамперфекта (*bio sam čitao*), сослагательного наклонения (*bih čitao*), повелительного наклонения (*neka čita*), формы пассива (*je pročitao*), б) устаревшие формы будущего второго *dad budem* (*budem dao*), *hijedbudem* (*budem htio*), *mogbudem* (*budem mogao*), *smedbudem* (*budem smio*), в) устаревшая форма сослагательного наклонения *regbi* (*rekaó bi*).

Б. Синонимические (тавтологические) повторы⁶, парные сочетания, парные слова, (которые пишутся по-разному: отдельно или через дефис) типа 1. *жить да быть, жить не тужить, жить познать, пить попить, читать прочесть, говорить поговорить, носить не сносить, тащить не притащить, звать величать, смотреть глядеть, просить молить, читать не читал*, 2. *горит не горит, жеду, не должусь, жсуют брянят, идут да идут, пьет ненапьется, тянет потянет*, 3. *жили-были, живало бывало, бывало-живало, опочивали-спали, выходила-выбегала, глядели-смотрели, летели и летели, думал-думал, смотрел-смотрел, искал-искал, ел и не ел*, 4. *женись да женись*, 5. *дело делать, видать виды, отдать дань, валом валить*. Такие глаголы удваиваются в целях усиления.

В. Сочетания типа *бросить курить, начать читать, перестать плакать*, причем первый глагол (*бросить, начать, перестать*...) часто десемантизован, обладает ослабленным семантическим значением или имеет более широкий круг значений.

6.0. В сочетаниях двух глаголов (бивербальных сочетаниях) переплетаются два плана: 1. характер глаголов *A* и *B*, 2. характер отношения между глаголами *A* и *B*.

⁶ В. Вунд считал, что повторения являются типичными прежде всего для языков „примитивных народов“, а если они встречаются в культурных языках, то они характерны языкам темпераментных народов (Wundt, 1900).

Что касается первого аспекта, мы все глаголы разделили на три группы: глаголы действия (**D**), глаголы состояния (**S**) и глаголы отношения (**O**). Они далее объединяются в один семантический сплав *дирестат* (*ди-* динамика, *ре-* реляция, отношение, *ст-* статика, состояние).⁷

Второй аспект подразумевает тип отношения. Для данного анализа важным является выделение двух типов: а) свободных и несвободных бивербальных сочетаний, б) гомогенных и гетерогенных бивербальных сочетаний.

Свободными двухглагольными сочетаниями является связь двух глаголов, один из которых (или оба) можно заменить каким-либо другим. Такие корреляции имеют факультативный характер. Несвободными являются сочетания, в которых нельзя сделать субституцию одного члена другим. Здесь речь идет об облигаторном отношении.

Гомогенное отношение возникает в случаях, когда сочетаются два глагола, относящиеся к одному семантическому типу: **D + D**, **S + S**, **O + O**, напр., **D + D** (глагол действия + глагол действия): *пойти гулять*, **S + S** (глагол состояния + глагол состояния): *лежа радоваться*, **O + O** (глагол отношения + глагол отношения): *любить ссориться*). Гетерогенное отношение появляется, если сочетаются два глагола, принадлежащие к различным семантическим типам (напр., глагол действия + глагол состояния: *пойти спать*). Такие отношения подразумевают связь глаголов различного семантического плана. Здесь существует шесть теоретических возможностей, точнее три (если не считать варианты порядка слов): **D + S** (**S + D**), **D + O** (**O + D**), **S + O** (**O + S**). Например: **D + S** (глагол действия + глагол состояния): *читать лежа*, **D + O** (глагол действия + глагол отношения): *пробовать соотносить*, **S + O** (глагол отношения + глагол состояния): *любить спать*.

7.0. Особого внимания заслуживают несвободные словосочетания, состоящие из двух глаголов, которые мы далее называем фразеобивербами. Их можно также разделить на гомогенные и гетерогенные. Гомогенные фразеобивербы объединяют два глагола, относящихся к одному семантическому типу: **D + D**: *глядь-поглядь*, *пошло-поехало*, *сказано-сделано*, **S + S**: *летовать и зимовать*. Гетерогенные фразеобивербы содержат глаголы различных семантических типов (напр., **O + D**: *помилуй-скажи*).

Очень редкими являются сочетания трех глаголов (в которых появляется союз как связывающий элемент) типа *прошу любить и жаловать*, где сочетается два **O** и одно **D**: (**D + O + O**).

7.1. Если бивербы рассматривать чисто семантически, то категориальная (частеречная) принадлежность будет нерелевантной и грань между отдельными частями речи весьма относительной. Но чтобы все-таки дифференцировать чистые и переходные (теневые) явления, мы различаем два типа фразеобивербов: интракатегориальные и экстракатегориальные.

Интракатегориальные бивербы представляют собой одночастеречное сочетание, т. е. связь элементов одной части речи, в данном случае глагола **A** и глагола **B**: *жили-были*.

Экстракатегориальные фразеобивербы являются устойчивыми сочетаниями глагола и неглагола. Здесь существуют две разновидности: адвербиальные и субстантивные.

В категорию адвербиальных фразеобивербов мы включаем связь глаголов и наречий с суффиксом *-мя*, мотивированных глаголами и близких по семантическому содержанию к деепричастиям (**Adv + V**). Как уже упоминалось, сложные глаголы в некоторых языках состоят из деепричастия как одного из двух компонентов, поэтому близкие им русские сочетания **Adv + V** также можно включить в систему сложных глаголов.

Наречий на *-мя* не так много: *дрожмя, живмя, кишмя, кричмя, лежмя, ливмя, плашмя, ружмя, сидмя, стоймя, торчмя, хлестмя* и т. д. Они совмещают в се глагольную и наречную семантику: значение процессуальности (глагольности) значение признака признака (наречности). Такие наречия используются непосредственно перед глаголом с целью его усиления. Во Фразеологическом словаре (Фраз. сл. 199) зарегистрированы лишь три случая: *живмя жить, кишмя кишеть, ливмя лить*. Сю можно отнести и наречия с суффиксом *-ом / -ком*, так как они имеют значение близкие наречиям на *-мя*. Во Фразеологическом словаре (Фраз. сл. 1971) мы обнаружили следующие примеры: *лежнем лежать, сиднем сидеть, слыхом слышать, слыхом не слыхало «и» видом не видано, гудом гудеть, криком кричать кричи*. Еще одна группа наречий может быть включена в фразеобивербы – э наречия на *-ючи* типа *жить припеваючи*.

В категорию субстантивных фразеобивербов мы относим сочетание существительного и глагола типа *век вековать, делать дело, дуван дуванить, задавать задачу, ковать ков мерить мерой, отдавать дань, петь песню, прощения просить, прощу прощения, сказ сказывать, спать сном, час часовать* и т. п.

7.2. Фразеобивербы отличаются разнообразной морфологической структурой. Здесь можно выделить следующие разновидности.

A. Гомогенные фразеобивербы: сочетание двух одинаковых глагольных форм. Это могут быть 1) инфинитивные формы: **Inf + Inf** – *изволить видеть, признаться сказав* 2) перфективные формы: **Perf + Perf** – *купило притупило, «и» пошло-поехало* 3) презенсные формы: **Neg + V + Neg + V** – *не думаешь, не гадаешь, – не мычит, телится*, 4) футуральные формы: **Fut + Fut** – *поживем-увидим*, 5) императивные формы **Imp + Imp** – *глядь-поглядь, – извини-подвинься, – катать-валяй, – помилуй-скажи* 6) пассивные формы: **Pas + Pas** – *сказано-сделано*, **Neg + V + Neg + V** – *не видано, слыхано, – не думанно, не гаданно*.

Б. Гетерогенные фразеобивербы: сочетание двух различных глагольных форм, напр.: **Inf Con + Inf** – *начать и (да) кончить, летовать и зимовать*, **Inf + Perf** – *плывать хотел, Pl + Inf* – *пошла писать*, **Conj + Perf + Inf** – *и пошла писать*, **Pres + Inf** – *может статься, + V + Conj + V* – *прошу любить и жаловать*, **V + Neg + V** – *быть не может, видеть не может, дуй не стой*, **V + Conj + Neg + V** – *быть или не быть, пройдеши и не оглянешь*, **Neg + V + V** – *не могу видеть, не могу знать, не разбери-поймешь*, **V + Neg + V** – *похвалиться не могу, смотреть не могу, терпеть не могу*.

7.3. Примеры показывают, что можно выделить еще два типа фразеобивербо контактные и дисконтактные. Контактными являются случаи, когда элемент **A** и элемент **B** вступают в непосредственную связь (*пошла писать, катать-валяй*). Дисконтактными фразеобивербы возникают расщеплением, раздвоением элемента **A** и элемента **B**. При этом возникают следующие типы: 1. **A + и + B**: *пойти и кормить, – летовать и зимовать*, 2. **A + да + B**: *начать да кончить*, 3. **A + не + B**: *быть не может, – видеть не может, – дуй не стой, похвалиться не могу, – смотреть не могу, – терпеть не могу, не + A + не + B*: *не думаешь, не гадаешь, – не мычит, не телится, – не видано, слыхано, – не думанно, не гаданно*, 5. **ни + A + ни + B**: *ни охнуть, ни вздохнуть, – ни проехать, ни пройти, – ни дай ни вынести*, 6. **и + A + не + B**: *и видом не видал, и слыхом не слыхал*.

8.0. В заключение можно сказать, что сложные глаголы являются своеобразным деривационным образованием, которое встречается лишь в отдельных языках языковых группах. Что касается славянских языков, можно говорить лишь о явлениях близких к сложным глаголам, какими в частности являются фразеобивербы.

⁷ О *дирестате* см. Тошковић, 1998.

Библиография

- Аганин Р. А., 1962: Лексико-грамматическая природа турецких составных глаголов и принципы их отражения в словарях. В: Краткие сообщения Института народов Азии. Турция. Т. 60. Москва, с. 64–77.
- Аганин Р. А., 1959: Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. Москва.
- Алатырев В. И., 1946: Парные сложные глаголы В: „Ученые записки Карело-финского ун-та”. Т. 1. Петрозаводск, с. 55–87.
- Баилиев Х., 1944: Сложные глаголы в туркменском языке. В: „Проблемы туркменской филологии”. Ашхабад, с. 5–11.
- Баранников А. П., 1927: Сложно-вербальные глаголы хиндустани. В: „Язык и литература”. Том II, вып. I. Ленинград, с. 63–110.
- Ганиев Ф. А., 1971: К вопросу о глагольном словообразовании в тюркских и монгольских языках. В: Проблема общности алтайских языков. Ленинград, с. 377–382.
- Ганиев Ф. А., 1982: Образование сложных глаголов в татарском языке. Москва.
- Зиндер Л. Р., Сокольская Т. В., 1938: Научная грамматика немецкого языка. Ленинград.
- Исенгалиева В. А., 1966: Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка (производные глаголы синтетического и аналитического образования). Алма-Ата.
- Лопатин В. В., отв. ред., 1999: Русский орфографический словарь. Москва.
- Пашковский А. А., 1959: Классификация японских сложных слов. В: Японский лингвистический сборник. Москва, с. 35–74.
- Санжеев Г. Д., 1940: Грамматические приемы в монгольских языках. В: „Труды Института востоковедения”. Сб. 2. Москва, с. 195–221.
- Тенишев Э. Р., отв. ред., 1988: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Москва, с. 440–445.
- Тыбыкова А. Т., 1966: Сложные глаголы в алтайском языке. Горно-Алтай.
- Федеров А. В. (и др.), 1961: Немецко-русские языковые параллели. Москва.
- Федоров А. И., ред., 1991: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. В двух томах. Новосибирск.
- Шникова Л. В., 1957: О функциях сложных существительных в немецком языке В: Романо-германская филология. Москва, с. 78–95.
- Юлдашев А. А., 1965: Аналитические формы глагола в тюркских языках. Москва.
- Tošović Branko, 1988: „Univerzalna semantička klasifikacija glagola В: „XXVII Međunarodni naučni sastanak slavista u Vukove dane”. Knj. 27/2. Vrste reči u srpskom jeziku. Beograd, s. 113–124.
- Wundt W., 1900: Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1–2. Leipzig.

Список сокращений

- ГАН 1980: Шведова Н.Ю., гл. ред., 1982: *Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Итонация. Словообразование.* Морфология. Москва.
- Рус. орф. сл. 1999: Лопатин В. В., отв. ред., 1999: *Русский орфографический словарь.* Москва.
- Сравн.-ист. грамм. тюрк. яз. 1988: Тенишев Э. Р., отв. ред., 1988: *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.* Морфология Москва, с. 440–445.
- Фраз. сл. 1991: Федоров А.И., ред., 1991: *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. В двух томах.* Новосибирск.

Branko Toszowicz
Czasownikowe composita

Przez powtórna nominację w słowotwórstwie rozumiemy tworzenie słów poprzez połączenie dwóch rdzeni (podstaw) jednej części mowy. Chodzi mianowicie o złożenie słów jednej części mowy, co prowadzi do powstania homogenicznych kompozytów. W odróżnieniu od nich heterogeniczne złożone słowa – włączają rdzenie (podstawy) różnych części mowy. W artykule rozpatrzono pewne aspekty powtórnej nominacji słowotwórczej w obrębie jednej części mowy – czasownika.

Калки и калкиране в българския език

Людвиг Селимски

На професор Светомир Иванчев (1920–1991)

1. В повечето езици в света словообразуването е основният начин за номинация най-важен източник за попълване, разнообразяване и обогатяване на речника. Славянските езици като цяло най-добре презентират езиковия тип, в който номинацията се постига по словообразователен път. Но те и от тази гледна точка показват различия помежду си могат да бъдат разделени напр. на езици, които са по-силно изиявени като словообразователен, а по-слабо като лексикологичен тип, от една страна, и на такива, които се изиявяват по-малко забележимо като словообразователен, а повече като лексикален тип, по-широко отворен за заемки от чужди езици.

Сред другите – несловообразователните – начини на номинация може би най-тесна връзка със словообразуването показва калкирането. Тук бих желал да взема отношение към проблема 1) за мястото на калките като предмет на езикознанието, а по-точно за връзката на калкирането със словообразуването и 2) за мястото на калкираната лексика речника и словообразуването на българския език.

2. Най-често за калките се споменава в лексикологията, където те се разглеждат като вид заемки в речника, различен от лексикалните заемки. Различават се няколко вида калки: семантични, фразеологични (тук и сложните наименования), словообразователни и граматични¹.

2.1. В лексикологията калките се разглеждат като семантични заемки. Семантична калка или семантична заемка имаме, когато, по думите на А. Байнсберг, „znak jednego języka, nie tracąc swojego dotychczasowego znaczenia, przybiera drugie pod wpływem znak innojęzykowego, z którym już przedtem dzielił owo starsze znaczenie” (Weinsberg 1983, с. 78) Чуждоезично по произход в такива случаи е лексикалното значение – „само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным одно же из присущих ему значений обязано иноязычному влиянию” (Шанский 1959, с. 78) Само доколкото в словообразуването е познат и т. нар. лексикосемантичен способ, в един описание на словообразуването би могло да се намери място и за семантичните калки. Понеже новото значение, което думата получава като заето от чужд език, е по принцип преносно, задачата на изследователя в подобен случай се свежда до това да отбележи, че съответната семантична промяна се е извършила в друг език, а не е настанала в езика.

¹ Граматичните калки са резултат от заемане на нехарактерни за дадения език синтактични схеми, като напр. пол. *wyduje się być*, възникнало по образец на англ. *seem to be* (Polanski, 1999, с. 284).